

- 18 Там же. С. 20.
 19 Рабинович В.А. Указ. соч. С. 38.
 20 Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 350–351.
 21 Там же. С. 366–367.
 22 Цит. по: Ульянкина Т.И. Зарождение иммунологии. М., 1994. С. 58.
 23 Вальден П.И. Теории растворов в их исторической последовательности. Петроград, 1921. С. 7.
 24 Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1987. С. 29.
 25 Этот пример разбирался нами в совместной статье с М.А. Розовым. См.: Кузнецова Н.И., Розов М.А. История науки на распутье // Вопр. истории естествознания и техники. 1996. № 1.
 26 Бляхер Л.Я. Проблемы морфологии животных. Исторические очерки. М., 1976. С. 5.
 27 Там же. С. 14.
 28 Там же. С. 13–14.
 29 Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 339.
 30 Там же. С. 344.
 31 Там же. С. 361–362.
 32 Там же. С. 358–359.
 33 Демидов С.С. Презентизм и антикваризм в историко-математическом исследовании // Вопр. истории естествознания и техники. 1994. № 3. С. 9.
 34 Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 48.
 35 Эко Умберто. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.; М., 2005. С. 14–15.
 36 Розов М.А. Указ. соч. С. 22–23.
 37 Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008. С. 171–172.
 38 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 343.
 39 Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Историк в поиске. М., 1999. С. 154.
 40 Там же. С. 146.

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ

М.Р. Ненарокова

**“РЫБАК ВИТИН” ЛЕТАЛЬДА ИЗ МИСИ
КАК ПРИМЕР СРЕДНЕВЕКОВОГО
УЧЕНОГО ЮМОРА**

СОЗДАТЕЛЬ “РЫБАКА ВИТИНА” Летальд родился во второй половине X в. Большая часть его жизни оказалась связанной с монастырем Миси в Орлеанской диоцезе. Миси был основан около 501 г. св. Максимином и его престарелым дядей Евспицием с ведома и при поддержке короля Хлодвига и стал первым центром миссионерской деятельности на землях, позже образовавших диоцезы Орлеана и Ле Мана. К концу VIII в. монастырь пришел в упадок настолько, что его пришлось открывать заново. Сделал это Теодульф, возглавлявший Орлеанскую диоцезу в 790–818 гг., — приближенный короля Карла Великого и член придворной Академии. Теодульф получил от Карла под свое начало три монастыря диоцезы — Миси, Флери и Сент-Эньян, которые поддерживали между собой тесные связи вплоть до XI в. Таким образом, Миси, с одной стороны, был приобщен к культурной жизни своего времени, с другой — никогда не был обделен вниманием властей предрежащих. При повторном открытии монастырь, первоначально посвященный св. первомученику Стефану, получил еще одного покровителя — св. Максимиана, своего основателя и первого настоятеля. В новооткрытый монастырь братия была прислана Бенедиктом Анианским (750–821), чья деятельность в 80-е годы VIII в. положила начало монастырским реформам во Франкии. По этой причине в середине IX в. Миси стал центром церковных преобразований на севере страны. Монахи Ми-

си приняли участие в реформировании монастыря Корбьон, расположенного около Блуа¹. Хотя в X в. первенство перешло к Флери, Миси и в это время сохранял за собой репутацию центра учености, славился своим скрипторием, где создавались прекрасные иллюстрированные манускрипты².

Летальд поступил в братию Миси маленьким мальчиком в 60-е годы X в., в настоятельство Аннона (960—970). Возможно, он был племянником или каким-то другим родственником другого Летальда, управлявшего монастырем в 40-х годах этого же столетия. Летальд Старший, пользовавшийся уважением в монастыре, был избран на эту должность самими монахами и утвержден епископом Орлеанским³. Известно, что он происходил из знатного рода; в монастырских источниках о нем говорится как о “благородном муже” (“*vir nobilis*”)⁴. Тот факт, что два члена братии носили одно и то же довольно редкое имя и что автор “Рыбака Витина” поступил в монастырь еще ребенком (“*infantulus*”)⁵, позволяет с большой долей уверенности утверждать, что оба Летальда находились в близком родстве.

Летальд, одаренный и образованный юноша, быстро выделяется из среды братии. В 973 г. он уже исполняет обязанности монастырского канцелярия (“*cancellarius*”)⁶, т. е. составляет все документы монастыря, ведает монастырской библиотекой и школой. Тогда же начинается и его литературная карьера. К 80-м годам X в. относится его первый труд, составленный для собственной обители, — “Чудеса св. Максимиана”⁷, где излагается история Миси и описываются чудеса, происшедшие у мощей святого. В 989 г. Летальд пишет поэму “Об изгнании [братии] Гломненского монастыря”⁸, героически защищавшей свой монастырь от набегов норманнов, но в конце концов вынужденной его покинуть. Авторство Летальда было установлено путем сравнения текстов этой поэмы и “Рыбака Витина”⁹. К этому же времени относится литургическая поэзия Летальда. В последующие годы из-под его пера выходят агиографические произведения для двух монашеских общин — “Житие и чудеса св. Мартина Вертавенского” для монастыря Жуин-де-Марн (между 994 и 1004 гг.) и “Житие и чудеса св. Евсиция”¹⁰ для монастыря Сель-сюр-Шер.

В 1004 г. произошло событие, резко изменившее жизнь Летальда. С 970 г. в Миси сменилось несколько настоятелей. Поскольку не сохранилось никаких свидетельств о недовольстве братии, можно предположить, что настоятели избирались самими монахами из своей среды, как и полагается по уставу св. Бенедикта Нурсийского, повсеместно принятому во франкских монастырях. Однако в 1004 г. Фулькон, епископ Орлеанский, нарушил устав и вмешался во внутреннюю жизнь общины, прислав в Миси своего ставленника Роберта. Братия была недовольна, была сделана попытка сместить пришельца. Самым достойным претендентом на должность настоятеля оказался Летальд, известный своей ученостью, принимавший в качестве канцелярия участие в управлении монастырем, к тому же родственник одного из прежних настоятелей. На какое-то время общине удалось настоять на своем, и Летальд даже исполнял настоятельские обязанности, но вскоре при поддержке Фулькона Роберт получил власть обратно. В этих обстоятельствах Летальд был вынужден покинуть Миси.

Об этом конфликте мы знаем из письма Аббона Флерийского (ум. в 1004 г.), одного из великих европейских ученых X в. После восстания в Миси Аббон, настоятель Флери, монастыря-побратима, пользовавшийся заслуженным уважением в Орлеанской диоцезе, обратился к своим духовным братьям со словом увещания. Часть письма адресована Летальду:

...ныне слово обращается к тебе, некогда мне близкий Летальд, выдающиеся знания которого весьма ценит моя малость и пытается вознести высшими похвалами в другом месте. Зачем же твоя ученость поучаствовала в том, чтобы разрушить жизнь одного несчастного, одного слабого человеческого создания, чтобы указать на пороки, которых не было, когда написано, что мудрый не совершает того, в чем должно каяться? И, возможно, он [Роберт] не кается в названных тобой деяниях. Однако тот, кто с охотой принимает служение дьявола, чтобы указывать на пороки человек, “сидит в собрании развратителей” (Пс. 1:1) и потому устраивает сборища злоумышленников. Увещаю и заклиная, славнейший, припомни свою немощь, проникнись глубоким милосердием, своих братий “отличай, запрещаешь, увещевай со всяким долготерпением и назида-

нием” (2 Тим. 4:2), так, конечно, чтобы упрек не повлек к отчаянию, чтобы терпение не уступило горячему труту пороков. Ибо ты зовешься главой этого тайного сговора; ты, что и сказать грешно, дерзко присвоил служение господина Ротберта, твоего настоятеля, и не устрасился муки, предназначенной предателю. Да возвратит Всемогущий Бог тебя, выпутавшегося из всех зол без какого-либо мятежа, единоклассником отцу и братии¹¹.

Покинув родной монастырь, Летальд переехал в диоцезу Ле Ман, где его хорошо знали. Там по просьбе епископа Манского Авесгауда он составил “Житие св. Юлиана”, первого епископа этой диоцезы¹² (между 1007 и 1010 гг.). Тогда же был написан и “Витин”. Год смерти Летальда не установлен, но его имя еще упоминается в 1014 г. в описании кончины Константина, настоятеля монастыря Нуай, вероятно, приютившего изгнанника. Выказывалось предположение, что Летальд — декан монастыря Сент-Энъян (третий из монастырей-побратимов наряду с Миси и Флери) в 20-х годах XI в. — и автор “Рыбака Витина” — одно лицо¹³.

Интересно, что, покинув Миси, Летальд в своем творчестве обращается к английскому материалу. В “Житии св. Юлиана” упоминаются чудеса, совершенные св. Фурсой, святым VII в., ирландцем, подвизавшимся в Восточной Англии, хотя и переехавшим во Франкию в конце жизни¹⁴. Действие “Рыбака Витина” также происходит в Восточной Англии, несколько южнее места подвигов св. Фурсы. Возникает вопрос, откуда у монаха из монастыря, находящегося далеко от Ла-Манша, возник интерес к Англии, особенно к определенной ее местности, и появились знания об этой стране.

Возможно, ответ на этот вопрос дает дружба Летальда с Аббоном Флерийским, несмотря на то, что Аббон был по меньшей мере на 15 лет старше своего друга. Как уже было сказано, связи между Миси и Флери были крепки с конца VIII в. Аббон хорошо знал Летальда и ценил его ученость, о чем говорит и отрывок из приведенного выше письма. В начале 80-х годов X в. Аббон пытался стать настоятелем Флери, но не преуспел в этом. Ему пришлось покинуть Франкию и провести два года в

Англии, в монастыре Рэмси, где он возглавил монастырскую школу¹⁵. Чтобы добраться до Рэмси, Аббон мог на корабле спуститься до устья Луары, пересечь Ла-Манш и далее плыть вдоль берегов Восточной Англии на север до реки Оуз, по которой можно подняться до Рэмси. Даже если он доехал по суше до Квентовика, находившегося на берегу Ла-Манша с франкской стороны, и переправился через пролив в самом узком его месте, все равно его дальнейший путь до Рэмси оставался тем же самым. Корабль, на котором путешествовал Аббон, должен был плыть вдоль побережья с заходом в порты, среди которых есть и Ровикастр (ныне Рочестер), упоминающийся в “Рыбаке Витине”, и Кнобхересбург (ныне Бург Касл), где находился монастырь, основанный св. Фурсой, до устья реки Оуз. Когда в 987 г. место настоятеля Флери освободилось, Аббон вернулся на родину и до самой смерти в 1004 г. возглавлял этот монастырь. Однако он не порывал и связей с Англией. Так, настоятель монастыря св. Августина в Кентербери незадолго до смерти Аббона предложил ему переложить гексамером анонимное житие св. Дунстана¹⁶. Аббон, скорее всего, выведен в “Рыбаке Витине” как некий почтенный седовласый старец, рассказавший Летальду удивительную историю приключений английского рыбака. Известный в обеих странах как поэт, писатель и ученый, он вполне достоин прозвания “Златоуст”.

Летальда и его поэму может связывать с Аббоном прием, к которому автор “Рыбака Витина” прибегает, начиная свою поэму: он пересказывает то, что ему поведал почтенный старец. Точно так же начинает свое “Страдание св. Эдмунда” и сам Аббон — с указания на почтенного старца, изложившего ему историю короля-мученика¹⁷, причем упоминание о старике-рассказчике помещено не в текст жития, а в послание к св. Дунстану, т. е. с точки зрения композиции произведения занимает такое же место, как и схожее упоминание о “Златоусте” в поэме Летальда.

Создавая свою поэму, “забавную сказку”¹⁸, Летальд обращается к чужеземному материалу. Возможно, “Рыбак Витин” является аналогом фантастических саг исландцев, составлявшихся для развлечения. К ним не относилось требование правдоподоб-

ности и достоверности. Чужое легче видеть в смешном свете, именно потому что оно чужое — малопонятное, непривычное, неожиданное. Франки были германским народом, до Великого переселения народов жившим на берегах Балтики в соседстве с данами, англами, саксами и ютами, поэтому некая общность их народной культуры была, как кажется, неизбежна. Кроме того, и до Леталяда сочинялась комическая поэзия, но это были либо аллегории, героями которых были животные, например стихотворение “О некоем баране, истерзанном собаками” Седулия Скота, либо произведения, включающие в себя смешные сцены или в скрытой форме высмеивающие устаревшие ценности германского героического мира, например “Вальтарий” Геральда¹⁹. Однако Геральд, высмеивая те качества, которые ценились германским языческим миром, все же не выходит за рамки эпоса. Герои его принадлежат прошлому германцев, это короли и королевские дочери, действие происходит частью в королевском поместье, частью — на поле боя, наградой победителю становится главенство над собственным народом и богатство. Леталяд, беря за основу своей поэмы чужую сказку, не чувствовал себя связанным условностями жанра и получал большую творческую свободу, чем его предшественники.

Леталядова поэма дошла до XX в. в двух списках, один из которых, флорилегий монастыря Сент-Гратьен конца XII в., был утрачен в 1940 г., а другой, “Парижская рукопись” конца XI или начала XII в., хранящаяся в Национальной Библиотеке в Париже, сохранился до наших дней. В течение XX в. стихотворная история рыбака Витина дважды издавалась в научных журналах²⁰. Наконец, в 1995 г. было предпринято критическое издание поэмы²¹.

Композиционно Леталядова поэма делится на две части: вступление (восемь строк) и собственно повествование о приключениях Витина (200 строк). Краткое содержание Леталядовой поэмы заключено уже в самом ее названии: “Стих монаха Леталяда о некоем рыбаке, которого проглотил кит”. В поэме рассказывается о том, как англосаксонский рыбак Витин попал в брюхо огромного кита, как он спасся и как его приключение было воспринято его соотечественниками.

Героем своей поэмы Леталяд сделал рыбака. Англосаксонские грамоты и другие правовые документы обычно упоминают социальное положение людей, а не их профессию, но, исходя из примеров, приведенных в словаре Босворта-Толлера, можно установить, что со словом “fiscere” — “рыбак” — не было связано никаких добавочных ассоциаций. Оно не входит ни в какие идиомы и, как кажется, принадлежит к нейтральному слою англосаксонской лексики. Рыболовство как промысел было весьма распространено в Англии с VI в.²², причем заслуга в освоении морских просторов Южной Англии приписывается епископу Вилфреду, научившему свою паству ловить не только пресноводных угрей, но и морскую рыбу. “Книга Страшного Суда” (1086) записывает значительное число рыбаков вдоль восточного побережья Англии. Археологические находки подтверждают тот факт, что рыбу ловили и в пресной воде, и в море, как удочкой, так и сетью. На миниатюре в одном англосаксонском манускрипте XI в. изображен рыбак в очень маленькой лодочке, держащий большую удочку с толстой леской. Он вытаскивает рыбу из воды, в то время как другие рыбы в страхе уплывают от него²³. Однако при всей распространенности рыболовства еще в начале XIII в. рыбаки не были объединены в гильдию. Как кажется, рыбаки из-за обыденности и вследствие этого “неблагородства” своего ремесла не занимали привилегированного положения в обществе и находились на нижних ступенях социальной лестницы. Делать героем эпической поэмы, хотя бы и небольшой, рыбака, а не короля или воина означало практически открыто заявить, что автор создает антиэпос, комическую поэму.

В поэме соблюдены черты, которые делают текст комическим во все времена: неожиданность, несоответствие, преувеличение. Так, необыкновенное приключение начинается для Витина совершенно неожиданно: ветер стих, при полном штиле герой наслаждается покоем и одиночеством; вдруг морская гладь расступается, на поверхности моря появляется рыба, которой Витин, опытный рыбак, никогда прежде не видел, и глотает его. Неожиданно и развитие событий: Витин не погибает, а, наоборот, находит способ погубить рыбу; и, что еще более неожиданно, волны выносят мертвое чудовище на берег около родного города

рыбака. Незадачливая рыба, глазами и пастью “*Scillae similis similisque Caribdi*”²⁴ (с. 38) — “сходная со Сциллою и Харибдой”, с загнутыми зубами и столь большой глоткой, что через нее целые города могут провалиться в Тартар, изображается преувеличенно страшной. Комическая картина панического страха горожан — соотечественников Витина — и описание процессии знатных англов, во главе с епископом отправившихся изгонять злого духа и с любопытством выясняющих у него, кто же он такой, также являются примерами преувеличения.

Для создания комического эффекта Летальд наиболее часто прибегает к несоответствию. Можно сказать, что вся его поэма построена на этом приеме. Начнем с общих правил составления повествования о герое, хвалебной песни. Летальд обещает составить песнь “*rite*” (с. 16) — “по обычаю, по правилам”. Он использует знаменитое риторическое правило “трех возрастов”, использующееся при составлении житий: первому возрасту соответствует короткий рассказ о привычках и занятиях Витина; часть поэмы, соответствующая второму возрасту — периоду деяний, содержит рассказ о необыкновенном приключении рыбака; третий возраст, на который обычно приходится кончина святого, совпадает с переходом Витина из героической реальности в обыденную жизнь. По размеру и соотношению частей Летальдова “хвалебная песнь” больше всего напоминает раннехристианское житие “аретэ” — “подвиг”, но героя его произведения вряд ли можно назвать святым.

Большую роль в создании эффекта несоответствия играют сравнения. Так, в первой части поэмы рыба, проглотившая Витина, сравнивается с путником, обоженным солнцем, который в жаркий полдень жадно пьет воду из холодных источников. При этом средневековый читатель представляет себе рыбу, находящуюся в своей родной стихии, окруженную со всех сторон водой. Бессмысленность действий, одна из причин для смеха в эпоху Средних веков²⁵, усиливается сравнением. Жадность при поглощении пищи, также вызывавшая смех, особенно характеризует комичную в своей чудовищности рыбу²⁶, ибо одним глотком она справляется не только с человеком, но и с его полностью оснащенной лодкой.

Два других сравнения, находящиеся во второй части поэмы, относятся к Витину. Внешность героя, спасенного из чрева кита, совершенно переменялась: он ослеп, потерял волосы и ногти, его кожа облезает клочьями. Безобразная внешность, физическое уродство также вызывали веселье у средневековой аудитории²⁷, но у Летальда в этом эпизоде комический эффект достигается ролью Витина в поэме (главный герой) и сравнениями, усиливающими этот эффект благодаря ассоциациям, которые они вызывали у читателя. Летальд вводит два сравнения — с горлицей и орлом. Согласно традиции средневековых бестиариев, горлица является символом отшельнической жизни и одновременно возвещает весну, пробуждение новой жизни²⁸. Говоря о горлице, Отцы Церкви подчеркивают ее духовную чистоту, простоту и безбидность²⁹. С горлицей Витина роднит любовь к одиночеству, ибо он привык уходить в море один. Его чудесное спасение из чрева китова можно назвать дарованием новой жизни. Однако в описываемой ситуации речь идет не о любви Витина к одиночеству. В контексте сравнения Витина с горлицей птица становится физически чистой, в то время как спасенный рыбак неопрятен, даже просто грязен. Для создания комического эффекта Летальд использует вещи мира сего, но не смеется над духовными предметами. Любая цитата из Амвросия Медиоланского, Блаженного Иеронима, Блаженного Августина, вспоминаемая в связи с этими строками из “Рыбака Витина”, теряет свою духовную составляющую, понимается буквально.

Более пространно сравнение Витина с орлом. По восточной и западной средневековой традиции, меняющий оперение орел, с которым Летальд далее сравнивает своего героя, рассматривается как символ человеческой души, обновляющейся посредством обращения к Богу³⁰. Комический эффект здесь достигается тем, что на первый план выдвигается именно внешнее сходство облысевшего Витина и линяющего орла, хотя в поэме содержится совет герою возвысить дух в несчастье (с. 60: “Лучше в несчастьях возвышать души”). Летальд не указывает, что Витин обратился к молитве, т. е. вознес ввысь дух, чтобы получить спасение. Однако физически Витин действительно “возносится” — прыгает вверх к “своду” своей темницы и начинает наносить рыбе удары

ножом. Таким образом, он проявляет еще одно качество, роднящее его с орлом, бесстрашие и твердость духа. Если бы героем Летальда был славный король или отважный воин, побеждающий врага на поле битвы, сравнение с орлом не вызывало бы улыбки, но в случае рыбака Витина, сражающегося не за героические идеалы, а за собственную жизнь, не в чистом поле с вражеской дружиной, а с рыбой, да еще находясь у нее в брюхе, читатель, скорее всего, испытывал большое желание посмеяться.

Ярким проявлением несоответствия является и “adunaton” — “совмещение [несовместимого]”³¹. Рыбу губит съеденное; жертва неожиданно занимает место охотника и в конце концов побеждает его.

Несмотря на то что Летальд выводит перед читателем совершенно нового героя — простолюдина-рыбака, его комическая поэма вписывается в традицию пародийной поэзии эпохи Каролингов. Нужно отметить, что каролингская литература построена на аллюзиях из классических латинских авторов. Это был один из способов создать видимость преемственности между Римом Августа и Новым Римом нового Августа — Карла Великого. В комической поэзии этого времени “сознательно употребленная цитата, которую должен узнать читатель”³², помещается в контекст, противоположный по характеру изначальному тексту.

Не оставляя приема несоответствия, Летальд при помощи цитат создает для своего читателя две системы координат, ориентирующие его на знакомые ему религиозные и светские тексты. Упоминания горлицы и орла в тексте поэмы могут напомнить соответствующие стихи Псалтири и сочинения Отцов Церкви. Сравнение Витина с пророком Ионой, казалось бы, выводит героя поэмы за границу смешного³³. Если же рассмотреть ситуации, изложенные в Книге пророка Ионы и в Летальдовой поэме, параллельно, то это мнение изменится. Пророку Ионе было открыто, что он должен идти в Ниневию и проповедовать покаяние. Однако он ослушался Бога и попытался отправиться совсем в другую страну; по прямому повелению Господню он был проглочен китом именно для того, чтобы кит без помех доставил пророка в Ниневию. Витина тоже проглатывает кит, однако для подобного поведения со стороны кита не было никаких причин,

да и сам он связан с нечистой силой: как говорилось выше, путь в преисподнюю вполне мог начинаться в китовой глотке. Пророк добирается до Ниневии и ведет проповедь. Ниневитяне воспринимают его как человека Божия и каются. Когда Витин попадает в родной город, его сначала принимают за нечистого духа; когда же он выходит на свободу из чрева китова, он произносит речи перед соотечественниками, но не о покаянии, а о “чудом возвратившейся жизни” (с. 186), т. е. о себе самом. Сравнение с пророком Ионой (с. 185: “словно второй Иона”), как кажется, скорее подчеркивает разницу, а не сходство между библейским пророком и англосаксонским рыбаком, причем в этой ситуации смешным оказывается рыбак, чувствующий себя пророком, а не сам пророк Иона.

Вторая система координат, созданная Летальдом, указывает на многочисленные тексты античных и средневековых авторов, составлявшие привычный круг чтения образованного человека X столетия, ибо, чтобы достичь комического эффекта, нужно, чтобы пародируемые тексты немедленно всплывали в памяти читающего. В комментарии к поэме, составленном Ф. Бертини, находим имена Вергилия, Клавдиана, Беда Досточтимого, Алкуина, Лукана, Аратора, Овидия, Стация, Пруденция. Наиболее цитируемым автором является Вергилий. В 208 строках поэмы содержится 85 цитат из Вергилия, причем 63 из них взяты из “Энеиды” и приходятся на основную часть поэмы, состоящую из 200 строк.

Прежде чем перейти к анализу Вергилиевых цитат в основной части поэмы, обратимся к ее зачину. Две первые строки “Рыбака Витина” содержат имена двух греческих поэтов: Орфея, мифического певца, и Пиндара — реальное лицо — знаменитого поэта-лирика³⁴. Имя Пиндара было известно средневековому человеку, скорее всего, опосредованно, из сочинений Вергилия, Овидия, Стация и других латиноязычных авторов. Квинтилиан в “Institutio oratoria” называет его “князем лирических [поэтов]”³⁵. Упомянув имя Орфея, Летальд подчеркивает, что его музыка подчиняла себе даже неодушевленные леса и воды. Что касается Пиндара, этот поэт был особенно известен похвальными песнями в честь героев. Взывая к двум лицам, ставшим символа-

ми высокой поэзии, Летальд как бы говорит: “Прошу вас со вниманием выслушать хвалебную песнь моему герою”. Героем же, против ожидания, оказывается незначительная личность, чьи приключения не соответствуют столь многообещающему зачину.

Цитаты из произведений Вергилия — “Буколик”, “Георгик” и “Энеиды” — играют в Летальдовой поэме двойную роль. С одной стороны, они составляют устойчивую группу слов и словосочетаний, выражающих некие идеи и называющих некие понятия. Их выбор определен сложившейся литературной традицией и, возможно, усвоен автором поэмы еще в годы ученичества. С другой стороны, часть цитат несет дополнительную нагрузку. Эти цитаты отсылают читателя к контексту, из которого они были взяты автором. При их помощи создается не записанный, но всплывающий в памяти читателя текст, параллельный тексту поэмы. При схожести сюжетов несоответствие двух текстов — записанного и хранящегося в памяти читателя — создает необходимый комический эффект. Наибольшее количество подобных цитат взято Летальдом из “Энеиды”. Рассмотрим некоторые случаи.

Благодаря цитатам, строки 21–22 Летальдовой поэмы соотносятся с двумя отрывками из “Энеиды”. Читатель видит момент отплытия героя с двух точек зрения. Отрывок из 4 книги (с. 585–629) рассказывает о том, как Дидона видит “aeqatis classem procedere velis” — “как корабли уплывают строем, распустив паруса”³⁶ (с. 587); охваченная горем, она желает Энею несчастий. В отрывке из 9 книги (с. 459–464) говорится о том, что Турн “in arma viros... / suscitavit” — “на битву мужей... поднимает”. Эти отрывки некоторым образом дополняют и распространяют поэму Летальда. Читатель не только предупрежден, что Витина ожидает некое опасное приключение, но и получает напоминание о семье героя: в первый раз жена Витина вместе с детьми появляется только в строках 54–56 текста поэмы.

Строка 31 отсылает читателя к отрывку из 5 книги “Энеиды” (с. 210–217), где описывается плавание корабля Мнесфея. Корабль подобен голубке, то стремительно летящей, то парящей над землей. Нужно полагать, что и лодочка Витина, хотя и маленькая, ведет себя так же.

Строка 32 соответствует рассказу Энея о начале его путешествия (“Энеида”, кн. 3, 69–72). Читатель помнит, что путешествие Энея было долгим и полным опасностей, и вправе предположить, что и путешествие Витина будет нелегким.

Строка 62 отсылает читателя к довольно большому отрывку (“Энеида”, кн. 1, 170–208), в котором рассказывается, как троянцы после бури оказались на берегу. Они отдыхают и подкрепляются пищей, а “ac primum silici scintillam exudit Achates” — “и сначала кремнем высекает искру Ахат” (кн. 1, 174). Речь, с которой Эней обращается к спутникам (с. 198–200, 207), подбадривая их, напоминает строки 56–59 Летальдовой поэмы:

O socii (neque enim ignari sumus ante malorum)
o passi graviora, dabit dues his quoque finem.
Vos et Scyllaeam rabiem...
...
durate, et vosmet rebus servate secundis.

О друзья, (ибо вы и прежде знали беды),
О перенесшие более тяжелые [несчастья],
даст бог также конец и этим.
Вы и неистовство Сциллы [претерпели]...
...
Будьте тверды и храните себя для счастья.

Схожесть рыбы, проглотившей Витина, со Сциллой и Харибдой, позволяет читателю соотнести все слова Энея с ситуацией, в которой оказался Витин, и надеяться, что у поэмы будет хороший конец.

Предчувствие счастливой развязки усиливается далее, в строках 66–71. Цитата из 4 книги “Георгик”³⁷ (кн. 4, 385–86) взята из сцены, в которой пастух Аристей, пчелы которого погибли от болезни и голода, вопрошает свою мать, нимфу Кирену, как обнаружить причину несчастья:

ter flamma ad summum tecti subiecta reluxit.
omine quo firmans animum sic incipit ipsa...

Трижды пламя, лежащее у ног, взметнулось к высшей точке кровли, Каковым знаменем укрепляя дух, так начинает она...

Кирене было явлено знамение, “укрепляющее дух”. Пламя, разведенное в животе у рыбы, также могло считаться знаком того, что герою не следует падать духом.

Цитата из “Энеиды” (кн. 12, 591–592) помогает создать более яркую картину происходящего:

volvitur ater odor tectis, tum murmure caeco
intus saxa sonant, vacuas it fumus ad auras.

Ядовитый чад клубами поднимается
к кровлям, после этого глухим гулом

Внутри звучат скалы, дым восходит к обширным небесам.

Читатель может представить себе внутренность рыбы и даже почувствовать запах дыма.

Описание расправы Витина с рыбой снова отсылает читателя к 1 книге “Энеиды” (кн. 1, 210–211). Важным словом здесь является “*praeda*” — “добыча/улов”, то, что можно захватить в бою или на охоте:

illi se praedae accingunt dapibusque futuris:
tergora diripiunt costis et viscera nudunt...

они приступают к добыче и будущей трапезе,
мясо сдирают с ребер и вынимают внутренности...

Читатель исподволь подготавливается к перемене ролей, о которой говорится в строках 90–91 Летальдовой поэмы. Более того, рыба, съевшая рыбака, сама в свою очередь станет “трапезой” (с. 94–95).

“Чрево звериное” (“*venter ferinus*” — с. 53) уподобляется “темной тюрьме” (“*carcer opacus*” — с. 61), с другой стороны, герой находится в китовом брюхе, как в обширном дворце (“*in media vasti...tecti*” — с. 94). Эти метафоры подготавливают читателя к уподоблению рыбы “высокому чертогу” (“*alta domus*” — с. 79). Однако у Вергилия “высокий чертог” имеет только положительные оттенки смысла: это и дом богатого человека (“Геор-

гики”, кн. 2, 462–463), и место обитания небожителей (“Энеида”, кн. 10, 101), и дворец героя (“Энеида”, кн. 12, 456). Снова на первый план выступает несоответствие, создающее комический эффект.

Сцена разделывания китовой туши (с. 105–109) отсылает читателя к отрывку из “Энеиды”, в котором описываются состязания в военном искусстве (кн. 5, 450–460). В Летальдовой поэме противником множества славных воинов с мечами и секирами оказывается издохший кит.

Строки 132–133 Летальдовой поэмы, в которых описывается крестный ход во главе с епископом, направляющийся на морской берег к китовой туше — возможному вместилищу нечистого духа, соотносятся с отрывками из “Энеиды”, где также описывается процессия (кн. 4, 129–142 и кн. 1, 497). В обоих случаях речь идет о спутниках царицы Дидоны. Поскольку обмен ролями между мужчиной и женщиной был типичен для народной смеховой культуры, вероятно, параллель между епископом и его паствой, отправившимися воевать с нечистой силой, и прекрасной царицей, шествующей в окружении пышной свиты, вызывал улыбку, тем более что читатель знал, кто на самом деле скрывается внутри кита. Кроме того, в сцене изгнания страшного демона, о котором епископ говорил на проповеди своим прихожанам, содержится изрядная доля юмора, присущего христианскому сознанию: спасти город от “чудовища” идут лучшие люди Ровикастра во главе с самим епископом, а дело им приходится иметь с обессиленным, ослепшим и облысевшим человеком.

Строка 146 “Рыбака Витина”, говорящая о том, что Эвменида “*garuit et viscere mersit acerbo*” — “схватила и ввергла в жестокую утробу”, при помощи цитаты (“Энеида”, кн. 6, 429) соотносится с отрывком, в котором описывается, как Эней, находясь в царстве мертвых, услышал плач душ детей, которых “*abstulit atra dies et funere mersit acerbo*” — “унес роковой день и вверг в жестокую смерть” (кн. 6, 429). Читатель может представить себе жалобный голос Витина, доносившийся из китовой туши, которая в этом случае уподобляется могиле или преисподней.

Уподобление кита Тартару (см. также с. 40 поэмы) обыгрывается далее, когда Витин, наконец, выходит из кита наружу

(с. 156). Здесь употреблена цитата из “Георгик” (кн. 4, 486): “redditaque Euridice superas veniebat ad auras” — “и возвращенная Эвридика выходила на дневной свет”. Это место Летальдовой поэмы должно было вызывать у читателей бурное веселье. Мало того, что вместо красавицы Летальд изображает форменного урода. Здесь снова происходит обмен ролями между мужчиной и женщиной. В то время как лысый и грязный Летальд, подобно Эвридике, появляется из китова чрева, как из Аида, его жена, подобно обезумевшему Орфею, бежит по берегу, разыскивая своего вновь обретенного мужа, а за ней, подобно вакханкам, носятся малые дети. Принятие мужской роли женой Витина поддерживается другой цитатой из “Энеиды” (кн. 12, 473–480), где рассказывается, как сестра Турна, Ютурна, заменила собой возничего своего брата.

Хотя Летальд был весьма остроумным человеком, его нельзя обвинить в цинизме. Он мог смеяться над приключениями незадачливого рыбака, но не над горем его близких. Основным размером поэмы является леонинский стих, но два ее отрывка — строки 53–57 и 183–196 — написаны гекзаметром. Именно в этих отрывках упоминается семья Витина, его жена и дети, их горе и радость. В отличие от леонин, которые к X в. употреблялись для написания самых разных текстов, от стихотворных посланий и эпитафий до житий святых, гекзаметр сохранил свой торжественный характер. Торжественность гекзаметра должна была смягчать комический эффект.

Поэма Летальда явилась провозвестницей новых веяний в литературе. Не случайно одновременно с Летальдом англосаксонский писатель и просветитель Эльфрик в своих “Диалогах” выводит людей разных профессий, в том числе и рыбака. Их современник Эльфрик Бата также составил диалоги, рисующие сценки повседневной монастырской жизни. Уже недалеко то время, когда ваганты сделают своими героями школяров, клириков, пьяниц и прочих лиц, которые в X–XI вв. еще не могли быть выведены в поэзии.

- 1 Head T. *Hagiography and the cult of saints*. Cambridge, 1990. P. 30.
- 2 Miller M. *Chartres Cathedral*. N. Y., 2004. P. 10.
- 3 Head T. *Op. cit.* P. 211.
- 4 *Ibid.* P. 211.
- 5 *Ibid.* P. 71.
- 6 *Ibid.* P. 211.
- 7 *Ibid.* P. 81.
- 8 Монастырь св. Флоренция в Сомюре.
- 9 Head T. *Op. cit.* P. 218.
- 10 *Ibid.* P. 82.
- 11 Электронное издание *Patrologia Latina Database*. Chadwyck-Healy Inc. 1993–1995; *Electronic Book Technologies and Chadwyck-Healy Ltd.*, 1993–1996. V. 139, col. 438.
- 12 Head T. *Op. cit.* P. 90; Brunhölzl F. *Histoire de la littérature Latine du Moyen Age*. Brepols, 1996. V. II. P. 168.
- 13 Head T. *Op. cit.* P. 225.
- 14 Farmer D.H. *The Oxford Dictionary of Saints*. Oxford, 1992. P. 198.
- 15 *The Blackwell Encyclopaedia of Anglo-Saxon England*. Oxford, 2004. P. 3.
- 16 *Ibid.*
- 17 Электронное издание *Patrologia Latina Database*. Chadwyck-Healy Inc. 1993–1995; *Electronic Book Technologies and Chadwyck-Healy Ltd.*, 1993–1996. V. 139, col. 507.
- 18 Brunhölzl F. *Op. cit.* P. 172.
- 19 Kratz D.M. *Mocking Epic*. Waltharius, Alexandreis and the problem of Christian Heroism. Madrid, 1980.
- 20 Wilmar A. *Le poème héroïque de Létald sur Within le pêcheur // Studi medievali n.s.* 9 (1936). P. 188–203; Bonnes J.-P. *Un lettré du Xe siècle: Introduction au poème de Létald // Revue Mabillon*. 1943. N 33. P. 23–47.
- 21 *Letaldo di Micy*. *Within piscator / A cura di F. Bertini*. Firenze, 1995.
- 22 *The Blackwell encyclopaedia of Anglo-Saxon England*. P. 185–186.
- 23 Квеннеллы, Марджори и Чарльз Генрих Борн. *Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов*. СПб, 2002. С. 221.
- 24 Здесь и далее цитаты из поэмы “Рыбак Витин” приводятся в переводе автора статьи по изд.: *Letaldo di Micy*. *Within piscator / A cura di F. Bertini*. Firenze, 1995.
- 25 Halsall G. “Don’t worry; I’ve got the key” // *Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. Halsall*. Cambridge, 2002. P. 6. Ситуация, когда изображаемые действия могут быть смешны своей бессмысленностью, описана также в “Житии св. Вигберта” Лупа Ферверского (пер. М. Ненароковой; см.: *Диалог со временем*. М., 2005. № 15. С. 395). Кроме того, в немецком и валлийском фольклоре смех, вызываемый бессмысленными действиями, помогает обнаружить подмесь — ребенка гномов, подслушанного людям взамен украденного младенца (подсказано Н.А. Ганиной).

- 26 *Shanzer D.* Laughter and humour in the early medieval Latin west // *Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. P. 45.
- 27 *Halsall G.* Op. cit. P. 18.
- 28 Физиолог. СПб., 2002. С. 29; Средневековый бестиарий. М., 1984. С. 72.
- 29 Электронное издание *Patrologia Latina Database*. V. 14, col. 233, 479; V. 23, col. 251; V. 41, col. 501.
- 30 Там же. С. 15, 138.
- 31 *Curtius E.R.* *European Literature and the Latin Middle Ages* / Transl. W.R. Trask. Princeton, 1973. P. 95; *Lausberg H.* *Handbook of Literary Rhetoric*. Brill, 1998. P. 515.
- 32 *Edden V. A.* *Carolingian Parody of Pastoral* // *Medium Aevum*. 1980. N 49. P. 180–181.
- 33 Подобное мнение высказывается в ст.: *Ziolkowski J.* *Folklore and Learned Lore in Letaldus's Whale Poem* // *Viator*. 1984. N 15. P. 107–118.
- 34 Словарь античности. М., 1993. С. 400, 430.
- 35 Цит. по электронному изд.: *Dumont D.J., Smith R.M.* *Musaios*. Version 1.0d-32. California, 1992–1995. *Institutio oratoria*, l.8, c. 6,71; l.10, c. 1, 61.
- 36 Далее цитаты из произведений Вергилия приводятся по изд.: *Aeneidos* // *P. Vergilii Maronis opera* / Ed. R.A.B. Mynors. Oxford, 1969.
- 37 *Georgicon liber IV* // *P. Vergilii Maronis Bucolica et Georgica* / Ed. T.E. Page. L., 1931. P. 88.

ПЕРЕВОДЫ